

Желтая звезда: нацистская верхушка, немцы и стигматизация евреев в сентябре 1941 г.

А. М. Ермаков

доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: a.ermakov@yspu.org

Аннотация. В статье на основании официальных документов и источников личного происхождения выявлены причины введения специального опознавательного знака для немецких евреев, показана роль отдельных нацистских иерархов в принятии решения о ношении желтой звезды, дана характеристика основных пропагандистских клише, сопровождавших стигматизацию немецких евреев, показана реакция «арийского» населения на визуализацию евреев. Установлено, что введение желтой звезды было продолжением серии мероприятий нацистского руководства, направленных на стигматизацию евреев, разжигание ненависти к ним немцев и тем самым облегчило депортацию их на Восток с целью физического истребления. Показано, что одним из способов изоляции евреев от немецкого общества являлась их визуализация, апогеем которой стало ношение опознавательного знака на одежде. Констатируется, что стимулом к обсуждению введения знака для евреев стал общегерманский еврейский погром ноября 1938 г., сопровождавшийся «ариизацией» собственности, а положительное решение было принято Гитлером в условиях расовой и мировоззренческой войны против Советского Союза. Инициаторами введения желтой звезды были радикальные антисемиты Гейдрих, Геринг и Геббельс. Они успешно преодолели слабое сопротивление министерской бюрократии и склонили Гитлера на свою сторону. Для Геббельса визуализация немецких евреев была паллиативной мерой, вызванной невозможностью их немедленной депортации за пределы Германии. Полученные результаты могут быть применены при изучении антисемитской идеологии, политики и пропаганды гитлеровской Германии, нацистских преступлений, настроений немцев в первые месяцы агрессии Третьего рейха против Советского Союза.

Ключевые слова: антисемитизм, Холокост, Третий рейх, стигматизация, желтая звезда.

Стигматизация европейских евреев, лишение их социальных связей и поддержки в обществе были необходимыми условиями Холокоста. Отношение многих немцев к евреям как к чужим или врагам облегчало проведение против них любых дискриминационных мер и, в конечном счете, их истребление. На оккупированной территории Советского Союза немцы – служащие карательных формирований, военные, чиновники гражданской администрации – заведомо воспринимали евреев как чуждый, враждебный элемент. Помимо языковых различий в Польше такое восприятие основывалось на непривычном для немцев внешнем виде и образе жизни, а все советские евреи априори считались большевиками и партизанами. Напротив, в Германии, где к середине 1941 г. еще проживали около 250 тысяч евреев, процесс ассимиляции привел к тому, что они не отличались от немцев по языку, культуре, одежде, религии и образу жизни. Депортациям немецких евреев на Восток с целью их уничтожения, начавшимся в октябре 1941 г. при молчаливом одобрении или равнодушии остального населения, предшествовали меры нацистского руководства по изоляции их от общества. Визуальную маркировку немецких евреев как чужаков обеспечивала нашитая на одежду желтая звезда, которая в источниках часто именуется еврейской звездой, или звездой Давида.

За 12 лет нацистского господства в Германии было издано около 2000 антиеврейских законов и распоряжений [8, с. 224]. Многие из них существенно сокращали возможности выживания или были крайне унижительными, но именно ношение желтой звезды многие евреи считали сильнейшим ударом, оказавшим парализующее и деморализующее действие, сломившим волю к сопротивлению и завершившим процесс помещения евреев в невидимое гет-

то. Жительница Берлина Инга Дойчкрон вспоминала: «Звезда сама по себе означала изоляцию. У меня было такое чувство, будто я хожу с маской на лице» [2, с. 86]. По мнению Виктора Клемперера, пережившего нацистское господство и Холокост в Дрездене, с введением звезды «завершилась полная геттоизация. Каждый еврей с нашитой звездой носил гетто с собой, как улитка – свой домик» [3, с. 216–217].

Еще в Германской империи антисемиты требовали введения для евреев знаков на одежде по образу и подобию средневековых городских норм. Национал-социалисты вспомнили об этом в середине 1930-х гг.: одни предлагали ввести опознавательные знаки на одежде, а другие – даже специальную одежду наподобие униформы [5, с. 282].

Гитлер, которого исследователи считают главным творцом антисемитской политики Третьего рейха, до некоторого времени откладывал решение по этому вопросу. Выступая крайслейтерами нацистской партии апреля 1937 г., он заявил: «Эта проблема обозначения постоянно обдумывается уже два–три года, и, конечно, однажды так или иначе оно будет введено» [10, с. 147]. И действительно, германские власти шаг за шагом принимали меры по визуализации немецких евреев. В 1938 г. были помечены специальными знаками предприятия, принадлежащие евреям, в паспорта были внесены дополнительные имена Израиль и Сара, а в заграничные паспорта ставился специальный красный штамп в виде буквы «J». С декабря 1939 г. в докторских диссертациях цитаты из произведений, написанных евреями, следовало выделять цветом. Наконец, в январе 1940 г. на продовольственных карточках евреев появилась штемпель в виде буквы «J». Как вспоминал Виктор Клемперер, «на продуктовых карточках вначале печатали одну букву “J”, потом появилось слово “Jude”, напечатанное наискосок через всю карточку, а под конец печатали слово “Jude” уже на каждом крошечном талоне, то есть на иных карточках до шестидесяти раз» [3, с. 103].

В это же время было введено ношение опознавательных знаков евреями, работающими на промышленных предприятиях Берлина и Кельна. Когда 22 июля 1940 г. Ханни Леви была направлена на принудительные работы на прядильную фабрику в берлинском районе Целендорф, оказалось, что работающие там евреи обязаны носить желтые нарукавные повязки [11, с. 40]. При трудоустройстве Инги Дойчкрон на берлинское предприятие «ИГ Фарбен» в апреле 1941 г. служащий фирмы «заодно выдал по звезде, которую следовало пришить к рабочему халату. “И горе вам, если вы об этом забудете”... На государственном уровне такого приказа еще не было, но “ИГ Фарбен” поторопилась ввести этот закон» [2, с. 74]. Ни Леви, ни Дойчкрон не знали, что польские евреи на территории генерал-губернаторства были обязаны носить специальные знаки еще с конца октября 1939 г., а практика визуального обозначения узников концлагерей появилась даже раньше [4, с. 182].

Очередная попытка радикальных антисемитов в нацистском руководстве добиться визуализации евреев была предпринята сразу после «имперской хрустальной ночи» – общегерманского еврейского погрома в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. Через два дня Герман Геринг провел в министерстве воздушного транспорта совещание, на котором обсуждались способы заставить евреев эмигрировать из Германии. На этом совещании начальник полиции безопасности (СД) Рейнхард Гейдрих предложил обязать всех евреев «носить определенный знак». Геринг поддержал его, однако представители различных министерств и ведомств отреагировали отрицательно. Доклад Геринга Гитлеру тоже не принес результата – глава нацистской Германии заявил ему, что отметки в удостоверениях личности являются достаточным обозначением. В письме в министерство внутренних дел 6 декабря 1938 г. Геринг с указанием на «решение фюрера» сообщил, что все предложения по введению знаков для евреев будут отклонены. Тем не менее, в 1939 г. главное управление имперской безопасности (РСХА) предприняло новую безуспешную попытку переубедить Гитлера. Согласно записи адъютанта Гитлера от сухопутных войск капитана Герхарда Энгеля, 8 октября 1939 г. Гитлер решил, что «знаки и тому подобное» не заставят евреев покинуть Германию, «но надо поразмыслить вместе с Гиммлером и Гейдрихом, в какой мере таким способом, после того как мы обладаем польской территорией, можно переместить большую часть еврейского населения туда или в протекторат (Богемия и Моравия. – А. Е.)» [7, с. 65].

Однако депортация евреев была отложена на неопределенный срок, и вопрос об их обозначении вскоре возник вновь. Теперь инициативу прочно захватил министр пропаганды и гауляйтер Берлина Йозеф Геббельс. В записи партийной канцелярии за 21 апреля 1941 г. говорится: «Так как эвакуация евреев из Берлина пока, к сожалению, не может проходить в желательном темпе, то д-р Геббельс дал указание представить ему предложения по знаку для

евреев. Его следует носить или на лацкане куртки и пальто, или в виде нарукавной повязки. Опасения, что иностранная пресса может критиковать нас за это, он отмел с тем обоснованием, что польки в Берлине носят букву "P", а еврейские дорожные рабочие – желтые нарукавные повязки. Он считает это мероприятие необходимым, потому что евреи со временем обнаглели. Они не соблюдают никаких запретов и иногда даже пытаются провоцировать негативные настроения. По этой причине для них нужно ввести знак, а если они не будут носить эти знаки, отправлять в концлагерь» [4, с. 182].

В августе 1941 г. Геббельс занялся разработкой аргументов и для Гитлера, и для немецкого населения в пользу введения знака. 12 августа 1941 г. он записал в дневнике: «Считаю необходимым снабдить евреев каким-то знаком. В очередях, на транспорте и других общественных местах они ведут себя как нытики и портят настроение. Поэтому безусловно необходимо, чтобы как только они заговорят, в них узнавали евреев. Нельзя допускать, чтобы они говорили от имени немецкого народа. У них нет ничего общего с немецким народом, их нужно отделить от немецкого народа» [9, с. 1650]. Участники совещания в министерстве пропаганды 15 августа – представители СД, министерства внутренних дел и управления Четырехлетнего плана – согласились с тем, что берлинские евреи образуют «главный орган враждебной агитации», но «до сих пор за это дело вообще не брались решительным образом». Они высказались за сокращение продуктовых рационов евреев, интенсификацию использования еврейской рабочей силы и введение опознавательных знаков. Неработоспособных евреев, говорилось на совещании, надо как можно скорее «отвезти в Россию». Все это якобы позволит избежать ухудшения настроения солдат на фронте. Попытка представителя Геринга утвердить приоритет рейхсмаршала в этом вопросе и ограничить роль Геббельса одной только пропагандой провалилась [4, с. 184].

18 августа 1941 г. Гитлер, наконец, дал свое согласие на визуализацию немецких евреев, и министр пропаганды приступил к практической подготовке акции. Дневниковая запись от 20 августа ярко показывает его мотивы и цели: «Так как фюрер позволил мне ввести для евреев знак, то я полагаю, что благодаря этому обозначению удастся очень быстро справиться с евреями, не подводя законодательной основы под эти реформы... Этот знак для евреев должен состоять из большой желтой звезды Давида, на которой написано слово "Еврей". Если этот знак будет носить каждый еврей, то вскоре они перестанут появляться в центре наших городов. Они будут вытеснены из общества... Кроме того, фюрер пообещал мне, что я смогу выдворить евреев из Берлина на Восток сразу после завершения Восточного похода. Берлин должен стать городом, очищенным от евреев... Они портят не только картину города, но и настроение. Хотя это изменится, когда они начнут носить знак, но считать это дело решенным можно только тогда, когда их устроят» [9, с. 1660–1661].

Решение канцлера было разослано по инстанциям 26 августа 1941 г., а через три дня в министерстве внутренних дел было проведено совещание, участники которого договорились не издавать закон, а оформить введение знака для евреев полицейским распоряжением, избежав тем самым длительных согласований с неповоротливым бюрократическим аппаратом. В результате единственным юридическим обоснованием визуализации немецких евреев стало согласие Гитлера, а чиновники министерств внутренних и иностранных дел, не одобрявшие введение визуальных обозначений для евреев, были отстранены от принятия решений [13, с. 266–269]. 1 сентября 1941 г. Гейдрих подписал полицейское распоряжение, в соответствии с которым евреям запрещалось появляться на улице без желтой звезды величиной с ладонь. Шестиконечную звезду с черным кантом и надписью «Еврей» в центре было предписано носить на левой стороне груди «прочно пришитой». От ношения звезды освобождались дети младше шести лет, лица, имевшие детей от смешанных браков, не признанных евреями, а также еврейские женщины, состоящие в браке с «арийцами». Этот же документ запрещал евреям покидать местожительства без письменного разрешения полиции и носить ордена и почетные знаки. Распоряжение вступало в силу с 19 сентября на территории Германского рейха и протектората Богемия и Моравия [15, с. 547]. Ханни Леви вспоминает, что находиться со звездой на одежде полагалось даже дома [11, с. 63], но, вероятно, в этом случае речь идет о произволе местного гестапо.

Оповещение евреев и выдача звезд была поручена органам, представлявшим немецких евреев. 8 сентября 1941 г. в РСХА были вызваны глава «Имперского объединения немецких евреев» доктор Пауль Эпштайн и глава израильской культурной общины Вены доктор Йозеф Лёвенгерц. Офицеры гестапо заявили им, что выдача знаков состоится 16 сентября в Бер-

лине и 17 сентября в Вене. Сначала будет выдано по одному знаку на человека, а к 15 октября поступят новые знаки, в среднем по 4 штуки на человека. Они будут продаваться по себестоимости – 3 пфеннига за штуку, и еще 10 пфеннигов надо будет заплатить за административные расходы. Знаки будут иметь тканевый край, который при пришивании следует подгибать внутрь. Гестаповцы предупредили, что исключений не будет ни для кого и поэтому подавать прошения не имеет смысла [10, с. 150].

Звезды в количестве 1 млн штук были изготовлены на одной из берлинских фабрик за сумму 30 тысяч марок. При получении звезды евреи давали расписку: «Подтверждаю получение одной еврейской звезды. Меня ознакомили с положениями закона о ношении еврейской звезды, запрете на ношения орденов и почетных знаков и других значков. Кроме того, мне известно, что я не могу покинуть своего местожительства, не имея при себе письменного разрешения местных полицейских властей. Обязуюсь обращаться со знаком бережно и нашить его на одежду, подгибая края. Копия этой расписки находится у меня» [10, с. 150].

В октябре 1941 г. по инициативе Геббельса и при поддержке Гейдриха ношение звезды на одежде было дополнено обозначением административных учреждений, детских домов, домов престарелых и жилья. «На входной двери висели две бумажки с нашей фамилией: над моей – еврейская звезда, под фамилией жены – слово “арийка”, – вспоминал Виктор Клемперер [3, с. 103].

В источниках личного происхождения отмечены случаи, когда на местах выполнение распоряжения о ношении звезды саботировалось по прагматическим соображениям. Например, венская еврейка Эдит Хан, направленная на принудительные работы в Восточную Пруссию, вспоминает, что хозяева поместья Остербург были заинтересованы в высокой работоспособности подневольных батрачек, а для этого требовалась покупка дополнительных продуктов в местном магазине. «Полицейские сказали, что мы должны запросить желтые звезды из Вены, а получив, никогда их не снимать. Однако со звездой нам бы никогда ничего не продали. Поэтому мы их не носили. Надсмотрщикам на ферме было на это плевать. Я думаю, в какой-то момент они решили, что самое важное – чтобы мы хорошо работали, а не чтобы полицейские были довольны». В результате девушки нашили звезды не 19 сентября, а только 12 октября 1941 г. для поездки по железной дороге [1, с. 95]. Отметим, что попытки уклониться от выполнения распоряжений, касающихся евреев, не были редким явлением в истории Холокоста. Так, учреждения вермахта в оккупированной Польше всячески затягивали выдачу в руки карателей евреев, занятых в военных ремонтных мастерских.

Введение желтой звезды сопровождалось мощной и продолжительной пропагандистской кампанией, старт которой был дан на совещании в министерстве Геббельса 21 августа 1941 г. Министр призвал ввести антисемитскую пропаганду «крайне тактично и ловко» и предложил расклеить в общественном транспорте плакаты с надписью «Евреи – наше несчастье, они виновны в том-то и том-то, всегда думайте об этом!» [4, с. 186]. Главная роль в этой кампании отводилась опубликованной в США брошюре Теодора Кауфмана, который требовал стерилизации всех немцев. Брошюра обсуждалась в немецкой прессе еще в июле, а теперь Геббельс приказал напечатать памфлет, в котором сочинение Кауфмана подробно разбиралось и цитировалось. Послесловие, опубликованное без указания на автора, написал сам Геббельс. Брошюра была издана большим тиражом и широко разрекламирована. Кауфман, не имевший никакого отношения к американским правительственным кругам, был назван советником Рузвельта, а его памфлет искусственно связан с Атлантической хартией. Несмотря на то, что брошюра Кауфмана была написана в начале 1941 г., а Атлантическая хартия подписана в августе, немецким читателям его представили как «духовного вдохновителя встречи Рузвельта и Черчилля» в бухте Арджентия [12, с. 483–484].

12 сентября 1941 г. по приказу Геббельса были распространены краткие комментарии для прессы о предстоящем обозначении евреев. На следующий день газета «Фёлькишер беобахтер» напечатала инспирированный Геббельсом комментарий, который устанавливал связь между обозначением евреев и войной против Советского Союза: «Немецкий солдат во время похода на Восток воочию убедился в том, насколько жестоки и неприятны евреи... Этот опыт позволяет немецкому солдату да и всему народу требовать лишения евреев на родине возможности маскироваться и тем самым уничтожения условий, которые позволяют немецким соотечественникам соприкоснуться с евреями». Аналогичные комментарии давались и в других партийных изданиях. Наконец, по указанию министерства пропаганды была подготовлена специальная листовка, которая вместе с продуктовыми карточками раздавалась всем немецким семьям. Лейтмотивом пропагандистской кампании было утверждение о том, что немецкие

евреи являются участниками всемирного заговора с целью уничтожения немецкого народа. Когда евреи в Германии станут видимыми, они получат клеймо внутреннего врага. Первоочередной долг немцев – соблюдение в повседневной жизни четкой дистанции по отношению к евреям [12, с. 484]. Нацистская пропаганда актуализировала и старые антисемитские клише, уходящие корнями в Средневековье. Например, в передовице газеты «Майнфренкише цайтунг» (Вюрцбург) за 9 октября 1941 г. было написано: «Теперь их можно узнать по еврейской звезде. Покончено с укрывательством под лицемерной маской обывателя. Наряду с врожденными, передающимися столетиями признаками – кривым носом (“ключ от синагоги”), плоскостопием, походкой вразвалку, оттопыренными ушами и беспокойным взглядом – с некоторого времени оставшиеся в Вюрцбурге евреи носят желтую звезду с надписью “Еврей”» [10, с. 150].

Нацистская пропаганда предостерегала немцев от поддержания контактов с «владельцами звезды». Нарушители этого неофициального табу рисковали получить прозвище «друга евреев», подвергнуться наказанию как «предатель народа» или оказаться в изоляции. Участница Союза немецких девушек из Штутгарта Рут Райбнагель рассказала, как однажды помогла пожилой еврейской супружеской паре перенести через улицу вещи и сесть в трамвай: «Оба были одеты в темное. Они с трудом вытаскивали из трамвая большой, тяжелый мешок. Еврейские звезды горели на их темной одежде. Я видела, как мучаются оба старика, и побежала к ним, чтобы помочь перенести тяжелый багаж... Они поблагодарили меня... По чертам лица женщины и выражению благодарности я поняла, что это были хорошие и образованные люди». Ставшие свидетельницами этого поступка девушки осудили ее: «Да ты рехнулась!», «Не думала, что ты настолько наивна», «На тебя надо донести. Помогать евреям, да еще и в униформе. Вы видели что-либо подобное?». На Рут никто не донес, но ее сострадание стоило ей дружбы и уважения подруг [14].

В гитлеровской Германии не было отмечено случаев протеста против введения желтой звезды, как это имело место в некоторых оккупированных странах Западной Европы. Немцы в зависимости от своих убеждений и гражданского мужества реагировали по-разному. В докладах полиции безопасности о настроениях населения отмечалось, что «арийцы» в целом не отвергли визуализацию евреев, а значительная их часть приветствовала эту меру правительства и восприняла ее с удовлетворением как долгожданный шаг. Многие немцы были удивлены тем, что в Германии осталось еще много евреев или что некоторые их знакомые оказались евреями [6, с. 2849]. Согласно другим источникам, в том числе ретроспективным высказываниям самих гитлеровцев, несогласные находили способы выразить свое мнение. Так, радиожурналист и руководитель отдела в министерстве пропаганды Ганс Фриче, привлеченный к суду Международного военного трибунала, показал: «Когда евреев обязали носить знак звезды, когда им, например, в Берлине было запрещено пользоваться сидячими местами в трамваях, тогда немецкая публика демонстративно приняла сторону евреев, и постоянно случалось, что евреям нарочито предлагали место. Я слышал несколько высказываний д-ра Геббельса об этом. Он был крайне озлоблен таким нежелательным эффектом обозначения евреев» [16, с. 180–181].

Дружественную позицию по отношению к евреям заняли католическая и протестантская церкви Германии. Священнослужители не могли высказываться по политическим вопросам, но имели возможность обращаться к членам своих общин. Широкое хождение в Германии получило послание городского викария евангелической церкви города Бреслау, оформленное в виде листовки в ноябре 1941 г. Викарий убеждал, что христианским долгом является «не исключать евреев из богослужений из-за их обозначения. У них такое же право на обретение родины в церкви, как и у остальных членов общины, а утешение божьим словом им нужно больше, чем всем остальным». В листовке церковным служащим предлагалось лично встречать евреев и показывать им места, на которые можно сесть. «Вероятно, надо предусматривать специальные места на каждом богослужении» и охранять евреев, если «нехристианские элементы» будут выгонять их из церкви. Рядом с этими местами надо сажать «верных членов общины» – людей из церковного совета, женской организации, пасторского дома. Рекомендовалось приглашать в церковь «арийцев» после того, как в нее зайдут «обозначенные христиане». Глава протестантской церкви в Штутгарте рассуждал подобным же образом. Сочувствие евреям выражали и представители католической церкви на местах, а глава Фульдской конференции епископов кардинал Адольф Бертрам призвал избегать любых действий, «которые могут рассматриваться католиками-евреями как оскорбительные, например, введения отдельных скамеек для евреев, разделение при раздаче святых даров, введение отдельных богослужений». Венский кардинал Теодор Инницер считал, что объединение католиков-евреев в обособленные «иудеохристианские общины» с собственными церквями и

церковными службами исключено, «потому что эта мера может быть воспринята как уступка национал-социалистическому расовому учению». Если отдельные верующие потребуют удаления евреев из церквей, то это надо «решительно отвергать и учить просителей, что церковь в своих богослужебных действиях не может проводить расовых различий». Кардинал призвал верующих «молиться за единоверцев-евреев, вынужденных покинуть Вену» [13, с. 363–365].

Разумеется, кроме проявлений симпатии и сочувствия евреи встречались с открытой враждебностью и ненавистью. В воспоминаниях выживших отмечены многочисленные случаи унижений, оскорблений, грубого обращения, избиений. Некоторые немцы не скрывали своей радости по поводу того, что этот «еврейский сброд», наконец, стало видно. А кто-то выражал свое недовольство тем, что не обозначены евреи, живущие в «привилегированных смешанных браках». Партийные функционеры на местах, соседи указывали на евреев, которые прикрывали звезду, носили ее с нарушением предписаний или вовсе не носили. Они же сообщали о тех лицах, которые, по их предположению, должны были носить звезду. Глава правительства Верхней и Средней Франконии рапортовал 7 октября 1941 г., что «участились анонимные и авторизованные сигналы немецкого населения о предполагаемых евреях или о таких, которые в соответствии с распоряжением освобождены от обязательного обозначения» [10, с. 151].

Таким образом, ношение евреями опознавательного знака было задумано ближайшим окружением Гитлера как мера окончательной изоляции немецких евреев от общества, формирующая враждебное отношение к ним немцев, облегчающая контроль над ними и ухудшающая условия их существования. Решающую роль в принятии решения о введении желтой звезды сыграли не представители традиционной министерской бюрократии, а радикальные нацисты Геринг, Гейдрих и Геббельс, причем последний рассматривал обозначение евреев как паллиатив в условиях невозможности их немедленной депортации в гетто и места уничтожения на Востоке. Визуализация немецких евреев стала возможной в результате проведения, начиная с 1933 г., целого комплекса антисемитских мер: исключения из общественных организаций, вытеснения из профессиональной жизни, лишения гражданства, «ариизации» собственности. Введение опознавательного знака воспринималось многими евреями как рубеж, подведение черты под нормальной жизнью и переход к существованию в невидимом гетто. Реакция немцев свидетельствовала об активной или пассивной поддержке многими из них антисемитских мер нацистской верхушки, о готовности стать если не исполнителями, то равнодушными наблюдателями Холокоста.

Список литературы

1. Беер Э. Х. Жена немецкого офицера. М. : Издательство АСТ, 2016. 304 с.
2. Дойчкрон И. Я носила желтую звезду: Воспоминания. М. : Текст, 2001. 207 с.
3. Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М. : Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.
4. Barth Chr. T. Goebbels und die Juden. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. 315 S.
5. Benz W. Die Juden im Dritten Reich // Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. 2. Aufl. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1993. S. 273–290.
6. Boberach H. Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939–1944. Herrsching: Pawlak, 1984. Bd. 8. 290 S.
7. Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel. Hrsg. von Hildegard von Kotze. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1974. 157 S.
8. Herzig A. Jüdische Geschichte in Deutschland. Von der Anfängen bis zur Gegenwart. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. 327 S.
9. Joseph Goebbels Tagebücher 1924–1945. Hrsg. von Ralf Georg Reuth. Bd. 4. München, Zürich: Piper, 1992. 498 S.
10. Kwiet K. «Schrei, was du kannst». Der Weg in den Holocaust (III): Brandmarkung durch den «Judenstern» // Der Spiegel 1988. H. 39. S. 142–155.
11. Lévy H. Nichts wie raus und durch! Lebens- und Überlebensgeschichte einer jüdischen Berliner. Berlin: Metropol Verlag, 2019. 192 S.
12. Longerich P. Joseph Goebbels. Biographie. München: Siedler, 2010. 910 S.
13. Mayer M. Staaten als Täter: Ministerialbürokratie und «Judenpolitik» in NS-Deutschland und Vichy-Frankreich. Ein Vergleich. München: Oldenbourg, 2010. 479 S.
14. Reibnagel R. Frühe Bilder und Erinnerungen. Eine Stuttgarterin Jahrgang 1926 beschreibt ihre Kindheit und Jugend // URL: http://www.swr.de/swr2/zeitenwende/zeugnisse/index_d.html (дата обращения: 22.04.2006).
15. Reichsgesetzblatt 1935–1941. Teil I.
16. Trial Of The Major War Criminals Before The International Military Tribunal. Nuremberg, 1948. Vol. XVII. 661 p.

Yellow Star: The Nazi elite, the Germans and the stigmatization of Jews in September 1941

A. M. Ermakov

Doctor of Historical Sciences, associate professor, decan of the faculty of History,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. E-mail: a.ermakov@yspu.org

Abstract. The article, based on official documents and sources of personal origin, identifies the reasons for the introduction of a special identification mark for German Jews, shows the role of individual Nazi hierarchs in deciding to wear a yellow star, characterizes the main propaganda clichés that accompanied the stigmatization of German Jews, shows the reaction of the "Aryan" population to the visualization of Jews. It has been established that the introduction of the yellow star was a continuation of a series of measures by the Nazi leadership aimed at stigmatizing Jews, inciting hatred towards them by the Germans and thereby facilitating their deportation to the East for the purpose of physical extermination. It is shown that one of the ways to isolate Jews from German society was their visualization, the apogee of which was the wearing of an identification mark on clothes. It is stated that the incentive to discuss the introduction of the sign for Jews was the all-German Jewish pogrom of November 1938, accompanied by the "Aryanization" of property, and a positive decision was made by Hitler in the conditions of a racial and ideological war against the Soviet Union. The initiators of the introduction of the yellow star were radical anti-Semites Heydrich, Goering and Goebbels. They successfully overcame the weak resistance of the ministerial bureaucracy and persuaded Hitler to their side. For Goebbels, visualizing German Jews was a palliative measure caused by the impossibility of their immediate deportation outside Germany. The results obtained can be applied in the study of anti-Semitic ideology, policies and propaganda of Hitler's Germany, Nazi crimes, the mood of the Germans in the first months of the aggression of the Third Reich against the Soviet Union.

Keywords: anti-Semitism, the Holocaust, the Third Reich, stigmatization, the yellow star.

References

1. Beer E. H. *Zhena nemeckogo oficera* [The wife of a German officer]. M. AST. 2016. 304 p.
2. *Deutschkron I. Ya nosila zheltuyu zvezdu: Vospominaniya* [I wore a yellow star: Memoirs]. M. Text. 2001. 207 p.
3. *Klemperer V. LTI. Yazyk Tret'ego rejha. Zapisnaya knizhka filologa* [LTI. The language of the Third Reich. Notebook of a philologist]. M. Progress-Tradition. 1998. 384 p.
4. *Barth Chr. T. Goebbels und die Juden*. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2003. 315 p.
5. *Benz W. Die Juden im Dritten Reich // Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft*. 2. Aufl. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 1993. Pp. 273–290.
6. *Boberach H. Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939–1944*. Herrsching : Pawlak, 1984. Bd. 8. 290 p.
7. *Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel*. Hrsg. von Hildegard von Kotze. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1974. 157 p.
8. *Herzig A. Jüdische Geschichte in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. 327 p.
9. *Joseph Goebbels Tagebücher 1924–1945*. Hrsg. von Ralf Georg Reuth. Bd. 4. München, Zürich : Piper, 1992. 498 p.
10. *Kwiet K. "Schrei, was du kannst". Der Weg in den Holocaust (III): Brandmarkung durch den "Judenstern" // Der Spiegel*. 1988. H. 39. Pp. 142–155.
11. *Lévy H. Nichts wie raus und durch! Lebens- und Überlebensgeschichte einer jüdischen Berlinerin*. Berlin : Metropol Verlag, 2019. 192 p.
12. *Longerich P. Joseph Goebbels. Biographie*. München : Siedler, 2010. 910 p.
13. *Mayer M. Staaten als Täter: Ministerialbürokratie und "Judenpolitik" in NS-Deutschland und Vichy-Frankreich. Ein Vergleich*. München : Oldenbourg, 2010. 479 p.
14. *Reibnagel R. Frühe Bilder und Erinnerungen. Eine Stuttgarterin Jahrgang 1926 beschreibt ihre Kindheit und Jugend*. Available at: http://www.swr.de/swr2/zeitenwende/zeugnisse/index_d.html (date accessed: 22.04.2006).
15. *Reichsgesetzblatt 1935–1941. Teil I*.
16. *Trial Of The Major War Criminals Before The International Military Tribunal. Nuremberg, 1948. Vol. XVII. 661 p.*